

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ЯБЛОНЬКА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Яблонька

Серия «Сережа Чагин», книга 1

Аннотация

«Ирина, а по-домашнему Ариша, едва отворив дверь с лестницы, слышала песенку и вздохнула. Это тетя Надя... Ах, как все надоело! И комнаты, и звук прокатного пианино, и песенки тети Нади (особенно эта, ее любимая), и сама тетя Надя, и... да все, все! Хоть не возвращайся домой. Но частные уроки стенографии, которые берет теперь Ариша, окончив русскую гимназию, не занимают много времени; болтаться по парижским улицам скромная Ариша не любит; волей-неволей надо идти домой. Обед, а вечером уж известно: придут Борины товарищи, и начнется... Хорошо, если Сережа придет и Лелечка Бер. Сережа славный, вежливый, много молчит; а Лелечка, если сказать правду, – от нее шуму иной раз еще больше бывает: непременно в споры ввязывается. Но Ариша любит Лелечку: это ее единственная подруга, она все понимает...»

Зинаида Гиппиус

Яблонька

*Матушка, голубушка,
Солнышко мое,
Пожалей, родимая,
Дитяtko мое...*

Ирина, а по-домашнему Ариша, едва отворив дверь с лестницы, слышала песенку и вздохнула. Это тетя Надя... Ах, как все надоело! И комнаты, и звук прокатного пианино, и песенки тети Нади (особенно эта, ее любимая), и сама тетя Надя, и... да все, все! Хоть не возвращайся домой. Но частные уроки стенографии, которые берет теперь Ариша, окончив русскую гимназию, не занимают много времени; болтаться по парижским улицам скромная Ариша не любит; волей-неволей надо идти домой. Обед, а вечером уж известно: придут Борины товарищи, и начнется... Хорошо, если Сережа придет и Лелечка Бер. Сережа славный, вежливый, много молчит; а Лелечка, если сказать правду, – от нее шуму иной раз еще больше бывает: непременно в споры ввязывается. Но Ариша любит Лелечку: это ее единственная подруга, она все понимает.

Ариша разделась в темной передней, пригладила наскоро русые волосы, заплетенные в косы, и, не оглянувшись на те-

тю Надю за пианино («пожалей, род-и-мая...»), прошла через «зал» в дальнюю комнату. Отца еще не было.

Капитан-инженер Тайранов с давних пор занимал какое-то место в одном из русских учреждений. Надеялся и Боря туда пристроить, но пока дело не выходило. Боря кричал, что найдет себе работу, чисто физическую, что он ни от какой не отказывается, что теперь долг – иметь мозолистые руки... Но он был слаб, как цыпленок; из случайных попыток его толку до сих пор большого не вышло. Про себя, молчаливая Ариша считала его бездельником; она непременно свой заработок найдет, и такой, чтоб дома не сидеть; все сделает, чтоб найти, вот только эти курсы кончить. Да языки ей, странно, не даются...

Тетя Надя ничего не делала. Не умела ровно ничего, – даже чулка не могла заштопать. К счастью, внизу была русская лавка, знакомых ихних, Свиридовых: оттуда приносили готовый обед, даже кофе утром с баранками. А тетя Надя – только песенки свои, русские, напевает: специальность ее когда-то, лет тридцать тому назад. На каких вечерах выступала! Кто ее не знал в Москве! А начались, с войной, патриотические концерты, – она первая, даром, что уж не молоденькая. Замуж так и не пришлось выйти: был жених, да славно под Цусимой погиб.

Теперь ничего не осталось у тети Нади: только память, да песенки эти родные. Вот и сидит, днями, за скверным пианино, худая, с шишечкой заколотых седоватых волос, вспо-

минает любимое, подыгрывая аккомпанемент слабыми пальцами. Нисколько не жалкая, очень довольная. Брат-капитан, нижние Свиридовы, даже Боря иногда, – все любят ее песенки. Ариша их слышит, помнит, – как себя помнит. О, как ей надоело!

Ежевечерние ссоры-свары начались нынче перед обедом. Начались понемножку, шуточками, едва пришел Боря, высокий, тонконосый мальчик с нежным лицом. Тетя Надя заливалась:

Не шей ты мне, матушка, красный сарафан,
Не входи, родимая, попусту в изьян...

Боря свистнул, тетя Надя вздрогнула, охнула, а Боря опять за свое: «Поздно пташечка запела, сшит сарафан, извините, самый красный! Вот разве позументуку чуть-чуть не хватает, да завтра прикупим!».

Тетя Надя язвительно усмехнулась:

– Стыдочку-то нет в глазах. Пробрать бы хорошенько, так с кожей бы эти революции с тебя слезли. Да вот, поперек лавки уж не ложишься!

Боря в долгу не остался:

– Розги, тетенька, все вышли. Перепроизводство было в дореволюционное время. Погодите, свежие подрастут, для кого только, – неизвестно...

Тетя Надя раскрыла рот, чтобы возразить, но в эту мину-

ту раздался в передней голос капитана: едва ввалившись, он громогласно требовал обеда.

Мальчишка из нижней лавки уже стучался в кухонную дверь. Мигом накрыл стол в «зале» (тетя Надя и этого не умела), притащил уху с расстегаями, к сторонке поставил блюдо с котлетами, которые еще пощипывали, салатник с капустой, открыл квас. Погодя придет собрать посуду.

Капитан, благодаря крупной своей фигуре, толстым седым усам и лысине, вид имел грозный. Но никто его не боялся. Даже тогда, когда густой голос наполнял всю квартиру, а случалось это постоянно, так как был он великий спорщик. Любил свои взгляды отстаивать, никому не спуская.

– Андик Белоусов хотел нынче зайти, – сказал Боря. – Может, и Арефьев.

– А Сережа? Впрочем, он редко... – проговорила Ариша.

– Что он кривляется? На нашем собрании, третьего дня, стал возражать Андику... Против чего вдруг протестует? А еще редактор! Папа, вы читали наш последний номер?

Кружок Бори выпускал крошечный журнальчик в ремингтоне – «Наша Россия». Капитан крякнул.

– Читал, голубчики мои, читал. Эка скверно печатаете.

– Вот еще! Дело в сути. Кабы не Сережкина статья, – развел какие-то сомнения, – так все хорошо, в неопределенности «Нашу Россию» не упрекнете.

– Тэк-с. Одно только: хороша Маша, да не ваша.

– Ваша, что ли, в порядке дня? Сплыла фундаментально!

Тетя Надя взмолилась:

– Бросьте вы, ради Христа! Дайте кусок проглотить!

Кусок проглотили, мальчишка унес посуду. Капитан надел очки, развернул газету. Скоро явились какие-то Борины товарищи; он увел их в свою комнатку, крошечную, как чемодан. Но тут подошли нижние Свиридовы, Марья Федотовна сварганила в кухне чай, и все, к удовольствию капитана, собрались в зале, за круглый стол. Ариша не любила этих чаепитий, зная, что, в конце концов, Боря непременно сцепится с капитаном; но сегодня, к чаю, пришла неожиданно Лелечка Бер, а потом и другой редкий гость, единственный из Бориных товарищей, который ей нравился, – Сережа Чагин.

Появление Лелечки, а затем Сережи, прервало на минуту уже разгоравшийся спор. Капитан к Лелечке относился с неодобрением и подозрением: Аринку сбивает.

– Здравствуйте-с. Все доклады читаете? Об интернационалах? Лелечка, не смущаясь, тряхнула рыжеватыми кудрями.

– Читайте-с. А о чем, – придите, послушайте.

Капитан побагровел: «Чтобы я... и здесь довольно слышаны. По-звольте-с, позвольте...». И спор поднялся с новой силой. Капитан гремел, но Боря, хоть и срывался иногда с голоса, его перекрикивал. Приятели ему посильно вторили, – Андик, заикающийся юноша с маленькой головкой на длинной шее, и не очень юный Арефьев, – только Сережа мол-

чал. Скромный Свиридов, хромой интеллигент из самарских журналистов, поддакивал капитану, но с оговорками, которых никто не слушал. Спор шел, конечно, о России. И так, будто Россия лежала вот тут, на этом самом круглом столе, рядом с пузатым жестяным чайником, и каждая сторона заявляла свои права на нее, свою исключительную любовь к ней, и тащила ее к себе.

«Странно! – думал Сережа, слушая. – Точно нет никаких „сторон“; точно все они и согласны, и в то же время ни один ни с кем...».

У него начиналась мигрень. Боря, тем временем, кричал капитану и Свиридову:

– Она нас и не знает, забыла давно! Вы – остатки! Не сущие обломки бывшего! Оплакивайте его, если угодно, нам дела нет! Мы...

– Кто это – «мы»? – хрипел капитан.

– Борис понимает новейшее поколение, – вставил Арефьев, плотненький человечек с серым лицом. – Во всех проекциях оно, здешнее, совпадает с тамошним. Заметьте, как быстро последнее национализируется. И нам, отсюда, стоит лишь дать знак... Принятие нашей линии неизбежно...

– Позвольте, – возражал Свиридов, спешно глотая слюну. – Я не вполне согласен с капитаном. Но ваш национализм... Вы забываете, Россия всегда любила свободу... Ее шири, ее просторы...

– Ну, вы еще... просторы... – замахал на него руками ка-

питан, не слушая. Никто не слушал и торопливого, полупотного разговора тети Нади с Марьей Федотовной. Оне тоже говорили о России: «А помните Кунцево? Весной? Колокольчики?». – «Нет, я Волгу люблю... Для меня, Волга... Никогда здешние не поймут...». – «Да что они понимают?...».

– Вы ответьте мне раз навсегда, – гремел, между тем, капитан, – вы какую Россию любите? Какую? Какую?

Андик, заикаясь, тонко, но властно прокричал:

– Россию и-истинную любим! Великую Русь нашу на-нацио-нальную, православную...

Капитан, было, опешил: ведь и он тоже говорил, что любит «великую Русь православную». Но Андик, запнувшись, dokonчил:

– Русь по-по-революционную! Единую сущую!

Тут произошёл бы, вероятно, особый шум, – капитан слова «революция» не выносил ни без приставок, ни с приставками, но в эту минуту Лелечка, спокойным и ясным голосом, произнесла:

– А я никакой России не люблю.

Все замолкли, почти в испуге. Но тут случилось ещё более удивительное: заговорила Ариша, всегда молчавшая:

– Да, да, и я тоже никакой. Любить, – это чувствовать, правда? Мы с Лелей не можем чувствовать. Откуда мы знаем Россию? По рассказам? По картинкам? А когда всю жизнь твердят: ты должна любить, должна... так ещё хуже.

– Бесстыдница, – начал капитан грозным шепотом, но Лелечка, не обращая на него внимания, прибавила:

– И эти тоже... Боря, Андик, кружковцы наши... Разве они, по-живому, могут чувствовать? Один в Берлине родился, другой в Константинополе.

– А я в Белграде, – зашепила Ирина, сама немножко испуганная. – Родная земля все-таки Россия, да, но как по-родному чувствовать, – я не знаю. Вы, папа, и тетя Надя, – другое: вы чувствуете любовь, помните. Она пропала, та Россия, но все-таки ничего. А мы все – иначе. Боря навообразил себе Россию и доволен. А мне надоело, я хочу по-честному. Не хочу спорить и болтать о том, чего не знаю.

– Дура несчастная! – презрительно сказал Боря и, обратившись к отцу, прибавил: – вот вбивали ей в голову старую Россию, – что получилось? Между вами и нами – бездна, но мы знаем, где мы. А Ирина где, спрашивается?

– Постой, Боря... – начал, было, Сережа Чагин, но, не кончив, замолчал.

Капитан ворочал глазами, искал, на кого вперед обрушиться. Свиридов грустно-извиняюще бормотал что-то о «денационализации юных»... Марья Федотовна, как разумная женщина, встала и громко произнесла:

– Душечка, Надежда Ивановна, спойте нам что-нибудь. Спойте «Яблоньку» сибирскую, все мы ее любим. А там мы с Евсеем и побежим...

Когда Ариша, проведив Лелечку и Сережу, возвращалась

по коридору к себе, до нее долетел слабенький голос тети Нади и тоскующе-напевные звуки «Яблоньки»:

...Поливала, укрывала

От мороза берегла...

Я на яблоньке цветику не видывала,

Я сахарного яблочка не кушивала...